

Ф.Золотковский.

Бабий яр.

Мама, отчего ты плачешь,
Пришивая мне на платье
Желтую звезду?
Вот такое украшение
Надо бы щенку на шею,
Я его сейчас же приведу.

А куда уводят наших,
Может, там совсем не страшно,
Может, там - игрушки и еда!
Мне сказал какой-то дядя,
Сквозь очки в бумажку глядя,
Что назавтра нас возьмут туда.

Посмотри, какая прелесть,
Вот оркестр играет "фрейлехс"...
Отчего так много здесь людей?
Мама, ну скажи мне, мама,
Кто тут вырыл эту яму
И зачем нас ставят перед ней?

Что ты плачешь, ты не видишь -
Их язык похож на идиш...
Но почему все пьяные с утра?
Может быть, в войну играют,
Раз хлопушками стреляют...
Мама, это вовсе не игра!

Мама, отчего ты плачешь, мама, отчего ты пла...

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Когда осенняя листва устала падать,
И с краю озеро покрылось коркой льда,
Спустились с неба лебеди и стали плавать,
Расправив гордо свои шеи, как всегда.

И старый дед-еврей бросал им хлеба крошки,
И тихо плакал, и молитвы им шептал;
Он помнил страшные военные бомбёжки,
И смерть родных, и одиночество познал.

И видел он расстрел отца и старших братьев,
И как сестру его забрали для утех,
Он плакал и кричал свои слова проклятья,
Чтобы не слышать тот фашистский злобный смех.

И видел он, как шли толпой евреи в чёрном,
И слышал улицы немую тишину,
Ему казалось небо серым и огромным,
Он проклинал в тот день фашистов и войну.

И всякий раз, как лебедей большая стая
Спешит подплыть к нему по голубой волне,
Он тихо плачет, вслух молитвы им читая,
И верит он, то – души павших на войне.

Зимой, весной и летом
ночами до утра
гудят над бывшим гетто
тревожные ветра.
И осенью дождливой,
не разобрав дорог,
все плачет сиротливо
бродяга-ветерок.
Возвышенно и прятко
смычок коснулся струн -
заголосила скрипка
вперед на десять лун.
И всех убитых тени
сошлись во тьме ночной
коленями - в колени
на просеке лесной.
Сквозь тьму былых пророчеств,
сквозь сотни страшных мук
три сотни одиночеств
в один сомкнулись круг...
Ступая обреченно
туда, где только мгла,
с евреями колонна
опять на смерть пошла.

Перепутались молитвы рабби
с криками напуганных младенцев.
Даже солнце светит слишком слабо -
от его лучей нельзя согреться.
Пытками засеянное поле,
быстро почерневшее от боли.
Жители еврейского местечка,
вам войну не перейти, как речку.
Слышу вздох колонны обреченной,
слышу пулемета злые трели,
снова мир покрылся краской черной
у черты последней - на пределе.
Музыки не будет похоронной,
не накажут всех, кто это сделал.
Снова за колонною колонна
движутся обугленною степью.

В местечке этом, что сожгли
враги, - цветы не зацвели,
трава вновь не зашелестела...
А только боль былых утрат -
волны стремительный накат,
не добравший до предела.
И только старый дуб стоит,
листвою по ночам шумит -
не спит уже десятилетия:
поникнув от былых обид,
с погибшими он говорит,
но отвечает только ветер.
И только лишь на полчаса
слышны убитых голоса,
слышны их плачи и молитвы,
разрывы бомб, снарядов, мин -
никак не воцарится мир,
не завершатся злые битвы.

Народ мой пролил море слёз,
где б ни был он рассеян...
Война всегда есть холокост –
не только для евреев...

В полях, и в ямах, и в лесах,
и в лагерях, и в гетто,
в нацистских газовых печах
терзали нас...

Не спета
была ни песнь из древних книг,
ни слово сказано, ни стих...

Но в шуме ветра и знамён,
где путь прошел армейский,
в могилах братских погребён
и мой народ еврейский...

И я мечтаю об одном:
чтоб люди веры разной
покончили с войны проказой.
Земля у всех – наш общий дом!

Века об этом говорим,
а всюду кровь, и смерть, и дым...

Бабий Яр. Память

Засыпал снег сегодня Бабий Яр.
Прикрыл собою братскую могилу.
Сто тысяч в ней взывают молча к миру,
чтоб в нём не вспыхнул вновь войны пожар!
Там, где фашисты сваливали в ад
убитых и живых, растут берёзы.
Смотрю на них и плачу... Эти слёзы
погибших не вернут уже назад.

Но слёзы скорби нашей не напрасны.
Они, как мудрость, над душою властны:
они её печальный, вечный плод.
Они напоминают тем, кто молод,
как будет страшен войн грядущих Молох,
что в гневе уничтожит людской род.

Собибор

Памяти руководителя восстания в лагере Собибор
Печерского Александра Ароновича

Нас сотни лет позорили упрямо:
что мы не пахари, не рыцари,
что мы
Христа распяли и достойны срама
за то, что нетерпимы, скупы, злы...

Бог сам всему назначит день и место,
у всех разбудит совесть
в святой час,
и мир людей, пройдя раздумий детство,
ещё оплачет всех убитых нас...
А я печалюсь и сейчас судьбою,
как вспомню Собибор, где истязали, жгли...
Восстанье обречённых -
словно всё со мною,
во мне оно!...
Бросались на штыки,
на проволоку под током,
и на вышки!
Оттуда пулемёты били в лица нам,
но мы прорвались,
лагерные „мышки“ -
три сотни полутрупов -
к вековым лесам!
Там, знали мы: добром никто не встретит,
а, может, выдадут,
а, может, и убьют...
Но верили, что выжившие дети
свободных нас
в молитвах помянут!

Дети войны

Во мне печалью стынет сердце,
в смятеньи мысли, словно море.
Куда от боли, гнева деться,
когда сминает душу горе?..

Вот я узнал, что в здешнем крае
и дети в лагерях томились.

Как взрослые, во всём страдали,
тоской недетской

слезы лились.

Могли они понять, кто правый,
кто виноват, когда их разум
не постигал всей страшной кары,
но ощутил дух смерти сразу?!...

Душа любая ждёт на свете
покоя, и любви, и воли...

Но плачут, ещё плачут дети
от ненависти, зла и боли...

Я вижу старика с лицом,
в котором все морщины века,
монаха с мудрости венцом,
и тех, кому святыня – Мекка.

У кирхи прочитал я вдруг
скупую надпись о расстреле
всех, кто обрёл здесь бремя мук
в страдальной иудейской вере ...

Мне грустно стало, словно я
здесь, в этом мире, тише мыши.
Все гонят прочь и бьют меня,
и я кричу – никто не слышит ...

20.04.1999 г. Гамбург

Жёлтая звезда

Феликсу Нусбауму

Пугливый взгляд... Иначе и не скажешь:

отчаянный, тревожный – крик души.

В чужом отныне мире он на страже

и чувств, и слов. Замри и не дыши.

Но не согнуло до конца смиренье,

и мысль живёт - свободная пока.

В глазах печаль и тяжкое сомненье.

На рукаве звезда. Быть может, на века?

Всё впереди! Грядут ещё Дахау,

и ночь Хрустальная, и детский плач, и страх,

кровавая в Прибалтике расправа,

и Яра Бабьего неупокойный прах...

Да, жёлтая звезда – не солнце в небе.

И плачет о своем народе ребе...

Бабий Яр. Встреча

Здесь вышка, кладбище, больница,
и все угрюмо мир теснят.

Мелькают на тропинках лица,
что скорбь и в суете хранят.

Тут даже камни вслух кричат,

а в небе замолкают птицы!

И людям по ночам не спится,

когда войны тот вспомнят Ад,

что был фашистскою рукою –

во имя дьявольских идей –

зажжён и здесь...

Кто иудей,

кто не согласен с силой злою, –

растоптан был, расстрелян

и сожжен...

Тут в сердце не смолкает стон.

Дмитриевская улица. Бабий Яр

Иду по Дмитриевской улице,
и плачет сердце в тоске.
Вот вижу, мой дед сутулится,
шагая в небытие.
Его подгоняет в спину
фашистская солдатня.
И вижу я тётю Тину,
у ног её ребятня.

В слезах за ними плетётся
бабушка Мария моя.
И сердце её болью рвётся
от жуткого бытия...
И полицай спесивый
толкает её в живот:
«Топай, жидовка, живо
к могиле своей вперёд!»...

Седая, вся в горе старуха,
что у дороги стоит,
промолвила тихо и глухо:
«Поплачешь и ты, бандит!»...
Крестом осенила широким
дрожащей рукой своей
на этой скорбной дороге
бредущих к смерти людей.

Я помню

В. С.

Из дома вышли мы. Бабуля зарыдала,
глаза мои платком закрыла вдруг:
свирепых полицаев пьяная орава
на казнь гнала моих друзей, подруг.
На площади, со школой нашей рядом,
обречены они за то лишь умереть,
что родились евреями, и адом
жизнь стала вдруг, и вот пришла к нам смерть.

И палачи, себя людьми считая,
её творили!.. Слышала я плач,
как будто лебедей кричала стая...
Но разве дрогнул хоть один палач?
Уже мы знали: скоро в гетто наше
ворвутся, точно волки из лесов,
вот эти нелюди, и каждый страшен
своим неистребимым злом...

И в памяти моей – до сих пор слёзы,
что затопили души нам
в тот час.

И в них тогда гремели одни грозы,
но не раздался Бога гневный глас...

Солдат неизвестный

Он всё претерпел, солдат неизвестный,
в серой шинели и с красной звездой.
Живой и погибший, он выиграл бой
жестокий и честный...

А труд его ратный не все вспоминали,
и не запомнили имя его...
Кому – ордена, кому – медали,
кому – ничего...

Вы думаете...

Вы думаете – всё уйдёт
бесследно в вечность или в Лету?
Разрушится духовный свод,
ещё весь устремлённый к свету?
И мыслей строй, творя в словах
смысл жизни, злом к нам обернётся?
Свободы крик вдруг на устах
замолкнет, к людям не прорвётся?

И правда рухнет в час немой
пред ложью в страхе на колени?
И разум от тоски и лени
за Истину не вступит в бой?
Священных для людей страниц
все буквы, символы и знаки
падут пред властью страшной ниц,
как перед палачом на плахе? ...
Наверно, будет так, когда
замрёт в нас совесть навсегда...